

ПЯТЬ ФАКЕЛОВ В ГИЛЬЗАХ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР ДРАМЫ И КОМЕДИИ НА ТАГАНКЕ:

«А ЗОРИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ...»

В ТЕАТРЕ на Таганке когда-то ходили зрители совершенно иные в сравнении с нынешними. Спешащие, что они позаросли. На новос в искусство сначала часто стремились молодежь, а уж потом, по здравом размышлении, степенно подходить публика и постарше. «Зори» как будто и поставлены для повзрослевшего зрителя.

Спектакль по повести Б. Васильева превращает мужественной зрелости и в игре актеров, и в постановке, и в решении темы.

Находчивые юноши, пропавшие через окно во Дворец культуры имени Первой пятилетки, не находят ныне «себя» в Театре на Таганке. Раньше — находили, потому что и актеры были моложе, и играли для своих сверстников, играли свое поколение, вне зависимости от того, переживали ли они в боях из «Павших и живых» или в красногвардейске из «Десяти дней, которые потрясли мир».

Для нынешнего, более молодого зрителя, наверное, нужен уже какой-то новый Театр на Таганке, может быть, совсем на другой улице.

Интерес «Зорь» скорее в какой-то всеобъемлющей всенародности, чем в «узкомолодежном» пафосе. При всей принципиальной общности разных возрастов имеется у каждого и своя специфика. Так вот, «Зори» ближе к общности, чем к специфике.

Говорят, спектакль нравится и тем, кто раньше что-то не принимал в этом театре. Охотно в это веришь. Дело в том, что в этом спектакле нет, как любят говорить критики, «стыка времен». Это — в отличие от ранних спектаклей Театра на Таганке, где молодые артисты не столько развивали саму тему, сколько выражали к ней отношение, не столько перевоплощались, сколько исповедовались как представители своего поколения.

В «Зорях» картина едина и не противоположна. И многим зрителям это нравится, война здесь не через «призму», а как есть,

как она была. Ведь многие зрители видели ее воочию. «Зори» оказываются близкими для них актерам «воочию», так как актеры здесь словно и нет, а есть достоверные характеры, словно возникшие из сознания самих очевидцев и участников войны.

Старшина Васков (нечастный случай сегодня правдиво героического характера без выпренности) — словно фотокарточка из солдатского бывшего документа. Образ удивительно «обжитый», документальный.

И вот что важно — актер В. Шаповалов как будто и не знает песен Окуджавы о войне, как будто и не слышал никогда зычных интонаций песен В. Высоцкого. А может только, как его старшина, подудеть на сопелочке, вырезанной самолично, не везе попадая в мелодию.

Шаповалов выходит в фойе перед началом спектакля в театральном, а такой всамделишной гимнастерочке, как будто весь век и проходил в этом васковском беспогономного образа обмундировании защитного цвета, закручивает ширину, сзывая зрителей в зал. Там, в зале, зрители ничего ошарашивающего, ничего сверхнового и конструктивного не видят. На сцене наспеш пригнаны к боковым кулисам маскировочные брезенты, пробитые осколками, равные и неровные. По центру у рампы помещен борт довоенного грузовика, раскрашенный грязно-зелеными маскировочными разводами.

Шаповалов не хочет обнаруживать в себе актера Театра на Таганке, потому что для него, как и для его товарищей, по многим признакам игры стала в этом спектакле дорогая сама тема, а не самовыражение.

В постановке Юрия Любимова волнует именно война, и не в интерпретации того или иного зако-

ления, а война как война, какой она была; волнует вот этот выдающийся грузин, в котором девят-зентичи вслух в расположении части. И они поют шепотом знакомое «Утро красит нежным цветом...» Шепот — потому, что нежный цвет предвоенных песен сменялся взрывами народной трагедии. Эти взрывы режиссура Любимова проводит через весь спектакль — то вскрывом, то выстрелом, то охвном «лешего» на болоте, то предсмертным словом. Любимов стремится говорить со сцены тем эмоциональным языком, каким, конечно, разговаривала с людьми сама война. Жаль, что не все эффекты присутствия зрителя в бою на-за технических гастролих условий получились.

Страшным грузом обрушилась война, и была самой жестокой. Ведь войны приносят народам тяжелейшие испытания, лишения, горе. Об этом спектакль.

И потому не остается в нем места для психологических нюансов, которые крупно подаются, например, в более лиричном спектакле Ленинградского ТЮЗа с его мягко повествовательным решением. Задача тюзовского спектакля была пробудить в зале чувство самого «материала», понимание, что такое война, уже далекая и от юных зрителей и от молодых актеров ТЮЗа.

А здесь? Любимовцы не останавливаются на «привычных» к тем, сразу берут разгон, несут нас стремительно к развязке, к подвигу героев. Некогда, словно говорят они, подвиг — это работа; война — это именно тяжелая, будничная работа. Так подает Васков. Он любит порядок, соблюдает устав, но не ради любви к власти, а опять же ради дела. Когда в финале Шаповалов вы-

ходит на аплодисменты и зажигается яркий свет в зале, то все видят, как защитная его гимнастерка вся в подтеках, пропитана потом, ведь шла работа не только у Васкова, но и у самоотверженного актера — так построен роль и спектакль.

В деловой торопливости войны мелькали живые и ослепительные детали. Почувствовали мы и прирожденную делкатность Васкова (как свойство народного характера), медленности испуг и растерянность Гали Четвертак, вспыхнули куски из довоенной жизни всех девочек — и красный патефон с хриплой утесовской пластинкой и домашние янтонии тепла и благородства семьи Гурвич. Но все это в лихорадочном темпе, когда нужно успеть крикнуть самое главное перед смертным часом.

Последние мгновения показаны страшными, вдруг обрывающимися и обидными для человека своей грубой непримечательностью. Это наша память возвысит имена героинь потом, когда мы выйдем после спектакля в фойе и увидим пять факелов в гильзах... А тогда, на войне, все было коротко... Соню немецкий разведчик проколол ножом у сосны, Лелю подстрелили на перебежке, у Лизы сломалась сага, и ее затянуло в трясину. И после каждого мгновения смерти спектакль обрывает свой тяжелый бег, останавливается, и словно слышится глубокий вздох Васкова. В его сознании погибшие девушки поют русские песни. Сцены спектакля наполняются объемными, трагическими-песенным содержанием. А Васков винит, клянет себя понапрасну — вина-то нет никакой. Драматический он переживает от прозрачной, возвышенной своей чистоты. Ведь девочки должны были остаться жить, терзается он, они же будущие матери, а десант вражеский — черт с ним, прошел бы к Беломорско-Балтийскому каналу, ну и что же, там бы, может, и схватили бы. Но мы-то знаем, что не напрасно Васков вел девочек на верную гибель, потому что

они защищали Родину, а Родина начинается с человека.

Человек — это та женщина, которую так удивительно сыграла И. Ульянова, запричитав горько и бессвязно, по-русски, побавы, вцепившись в уходящего Васкова.

Но человек — он на войне. И потому требуется Васков. Он знает, как стрелять из трофейного автомата, как костер подпалить, чтобы не шел дым. И в каждой девушке взрывается, живет это васковское буднично-самоотверженное начало. И когда З. Славина выходит на аплодисменты, ей не хочется принимать цветы, улыбаться. Лицо отстранено, неприступно, будто опасно только что пережитой драмой человека, вынужденного жестоко приказывать, ощерившим голосом говорить одной — «стронься», другой — «цуниннов не слушай, а слушай того, кто тебя любит»... Человек такого вот душевного мужества может все преодолеть, может остаться человеком на войне.

Может быть, это самое духовное мужество и есть тот урок, который поможет и сегодняшним юным в их, как порой им кажется, неразрешимых вопросах — как жить, кого любить, за кого «воевать»...

На войне как на войне, значит, не плакать нужно, а воевать. Но Васков заплакал.

Враждаются стволы деревьев, художник вертикально поставил зеленые борты того самого грузовика. Все пять зентичи только что были здесь, теперь их нет. Только слышно, как «с берез неслышны, несомом сдается желтый лист». И стволы один, в неясном сумраке мертвого леса, враждаются тихо, без девчонок. Васков идет между деревьями и горько, громко, не скрываясь, рыдает. Человек как человек. И это тоже, наверное, урок для сегодняшних ребят. Какая бы деловая круговерть ни занесла тебя, в какую бы сложную ситуацию ни затащило — оставайся человеком.